

Богословские труды. Юбилейный сборник Ленинградской Духовной Академии

Иеромонах ИАННУАРИЙ (Ивлиев)

Вклад С.-Петербургской Духовной Академии в русскую библеистику

Русская библеистика как научная дисциплина в течение XIX столетия достигает столь замечательных успехов, что достижения ее виднейших представителей в начале XX в. с полным правом можно поставить в один ряд с крупнейшими завоеваниями мировой библеистики того времени — этой сравнительно молодой науки. Задачи же, которые ставят перед собою исследователи Священного Писания в России первых десятилетий текущего столетия, до сих пор удивляют своими грандиозными масштабами и научной смелостью.

Замечательно при этом то, что у истоков отечественной библеистики возвышается величественная фигура Московского Митрополита Филарета (Дроздова), который в свои молодые годы, будучи одним из первых ректоров С.-Петербургской Духовной Академии (далее СПбДА), в сане архимандрита, посвятил свои труды толкованию Священного Писания, основанному на научной методологии. Собственно «Записки на книгу Бытия» (1816 г.) и «Опыт изъяснения псалма LXXVII» (1814 г.) архимандрита Филарета явились первыми русскими библеистическими трудами, ознаменовавшими новое, критическое направление в экзегетике.

Несмотря на молодость автора упомянутых трудов, его метод удивляет не только научной эрудированной зрелостью, но и мудрой сдержанностью. В основу своих толкований. — и это было новым словом в отечественной библеистике, — архимандрит Филарет положил исследование еврейского текста Писания. При этом критический ум ученого привлекает к толкованию все доступные ему средства: он использует не только достижения современной ему гебранстики, но привлекает для сравнения древнегреческие переводы (прежде всего перевод 70-ти), а также сирийский, арабский, латинский переводы. Разумеется, при сравнении этих текстов выявлялось немало разночтений. Для экзегета вставала сложнейшая задача выявления подлинного текста, а главное — его смысла. Задача была тем сложнее, что научная методология литературной критики находилась в то время в зачаточном состоянии. Приходилось быть первопроходцем и брать на себя большую ответственность в изыскании критериев истинности того или иного прочтения текста. Сильный, увлеченный поисками истины и питающийся от корней Предания ум архимандрита Филарета не дрогнул перед этой сложной задачей. Критерием истинного прочтения и толкования текста, — если попытаться охарактеризовать его некоей общей формулой, — была внутренняя непротиворечивость Священного Писания и Священного Предания. Поэтому при сравнении разночтений в еврейском и греко-славянском текстах, если на выручку не приходили лингвистические соображения, сводящие разночтения к мнимостям, автор прибегал к помощи иных, сходных по содержанию, мест Священного Писания, а также к толкованиям святых отцов и учителей Церкви. При таком методе выбор предпочтительного прочтения падал иногда на текст 70-ти, иногда на еврейский оригинал, а, бывало, и на перевод Аквилы. Немаловажным подспорьем в работе служили и достижения таких специальных наук, как археология, этнография, география. Следует отметить, что в общих чертах труд архимандрита Филарета предвосхитил дальнейшие пути русской и мировой библеистики вплоть до XX в. Неудивительно, что новизна и научная смелость толкований на книгу Бытия стали причиной того, что еще в конце XIX в. «Записки» приснопамятного святителя подвергались критике именно в связи с научной методологией привлечения широкого историко-этнографического контекста при экзегезе тех или иных мест в Бытописании. Так, например, автору ставилась в упрек его мысль о том, что Моисей,

будучи сыном своего времени, излагал Божественное Откровение на языке своего времени с его научными — или, точнее сказать, донаучными — представлениями. В частности, изъясняя слово «твердь» (второй день творения из шестиднева), архимандрит Филарет ссылается на понятия древних людей о небе как именно о твердом своде. Это вызвало довольно резкую реакцию критика: «Что это за причина? Какая герменевтика учит, что истинное значение слов, употребляемых Моисеем к выражению откровенного ему Самим Богом понятия о небе, есть именно то, которое сходнее с астрономическими бреднями о небе древних народов?»¹ Далее в рецензии, написанной, как предполагают, прот. Г. П. Павским², следует совсем уже нелепое сравнение святителя с «вольнодумными, чтобы не сказать безбожными, изъяснителями Священного Писания». Критик, очевидно, полагал, что герменевтика есть незбылемый список неприкосновенных правил толкования, над которым не властно время. Автор «Записок на книгу Бытия» придерживался иной точки зрения на этот предмет, почему и труд его по праву был назван «первым в России опытом ученого изъяснения Священного Писания»³.

Впрочем, в науке всегда сосуществовали, да и должны сосуществовать, различные точки зрения на один и тот же предмет. Поэтому не следует быть слишком строгими к критику митрополита Филарета, тем более, если таковым был прот. Г. Павский, ибо он, еще будучи студентом СПБДА, принял деятельное участие в формировании отечественной библеистики. Имеется в виду его сочинение «Обозрение книги Псалмов. Опыт археологический, филологический и герменевтический, 1814». Небольшое по объему сочинение, построенное на анализе еврейского текста Псалмов и на отеческих толкованиях к ним, выдавало в молодом авторе талантливейшего в будущем филолога и библиста.

К сожалению, несколько последующих десятилетий после плодотворных 10-х годов прошлого столетия для библеистических исследований СПБДА, да и вообще для всей отечественной библеистики, были отмечены если не регрессом, то почти полным застоем. Число серьезных трудов по Священному Писанию, появившихся в печати на протяжении почти полувекового периода, было столь скудным, что их можно буквально сосчитать по пальцам. Столь печальным было в то время не только положение библеистики. По свидетельству Н. Н. Глубоковского, тогда «судьба богословия, как науки, вовсе не была в России блестящей и счастливой. Его течение совершалось скачками, порывами и извилинами, иногда же, по-видимому, совсем скрывалось»⁴. Причин для такого оскудения научно-богословской деятельности указывалось несколько⁵. Во-первых, — и эта причина выглядит парадоксальной, — следует указать на предпринятый огромный труд по переводу Священного Писания на русский язык. При Библейском обществе был организован переводческий Комитет, самыми деятельными членами которого были архимандрит Филарет и Г. П. Павский. Сама по себе переводческая работа с библейским текстом есть работа научная. Однако, к сожалению, она отвлекла все имевшиеся в наличии силы, способные развивать собственно экзегетику Священного Писания, а силы эти и без того были невелики. Впрочем, кипучая деятельность Комитета продолжалась недолго (1816—1826 гг.), и труд по переводу Священных книг на русский язык временно прервался. Более основательной причиной застоя в русской библейской науке явилась правительственная реакция на распространение неправославных мистических настроений в первой четверти XIX в. Именно с этой реакцией было связано и запрещение деятельности Библейского общества, и прекращение работ по переводу Библии на русский язык, и крайнее усиление духовной цензуры, губительно отразившееся на отечественной библеистике, едва успевшей пустить свои первые ростки. «Усиление цензуры, сделавшейся мнительной, подозрительной и придирчивой слишком, заставляло и людей... быть осторожными, опасаться, даже страшиться подозрений, придирок, даже преследований и — любить, яко безбедное страхом, молчание»⁶. Немалый урон делу изучения Библии в России принесло и странное противопоставление Священного Предания Священному Писанию с явным или прикровенным предпочтением первого второму. Это воззрение, приобретшее влияние с конца 40-х годов прошлого века, фактически закрывало доступ к научному изучению Библии. И, наконец, еще одно препятствие перед отечественной библеистикой было поставлено печально известным «делом Павского», вызванным распространением литографированных переводов на русский язык некоторых книг Ветхого Завета. Возникшее в научной среде и касающееся научного предмета, «дело» могло быть направлено в русло свободной научной дискуссии и стать завкаской для плодотворных исследований в сфере ветхозаветной экзегетики. Вместо этого «дело Павского» приняло характер судебного разбирательства со всеми вытекающими из него последствиями, что еще более парализовало волю к изучению Слова Божия в России того времени. Говоря о полувековом молчании библейской науки в нашей стране, проф. Ф. Г. Елеон-

ский писал: «Последующим поколениям оставило это полувековье только два-три произведения, относящиеся к самому его началу и представляющиеся в виде прекрасных деревьев при входе в пустыню, расстилающуюся на большое протяжение»⁷.

Однако эта «библейстическая пустыня» с конца 50-х годов минувшего столетия оросилась живительной влагой и, по словам того же Ф. Г. Елеонского, «отечественная библейская наука ожила и развилась в зеленеющее многоветвистое дерево»⁸. Этому благотворному процессу содействовало много факторов, но у его истока вновь возвышается личность Филарета, теперь уже митрополита Московского, пребывающего в преклонном возрасте и в зените своей славы.

Библеистика начинается с текстологии. Это сознавал митрополит Филарет, когда он на заре своей деятельности в СПбДА работал над сличением различных текстов книги Бытия. Но текстология в России до сих пор была неким камнем преткновения. В XVII в. текстологические пробы на литургических текстах привели к появлению старообрядчества. В середине же XIX в. стали заметно проявляться тенденции, подобные «ревности о древем благочестии», в отношении Священного Писания. Стремление объявить существующий (Елизаветинский) текст славянской Библии наряду с переводом 70-ти единственным и не подлежащим критике источником познания Слова Божия для русского православного христианина митрополит Филарет, верный идеалам своей юности, противопоставил авторитетно и широко аргументированную необходимость нового научного пересмотра славянского текста и сличения его с еврейским и греческим текстами. Записка митрополита «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания» (1858), одобренная Св. Синодом, явилась толчком не только для изучения библейского текста сравнительным методом, но и фактически расторгла узы, в которых до той поры пребывала отечественная библеистика.

Результаты новых веяний не замедлили сказаться в ряде крупных достижений, среди которых первым следует назвать синодальный перевод с подлинников на русский язык всех книг Священного Писания. Значение этого труда весьма велико по нескольким соображениям. Во-первых, как показала история, новый перевод сделал доступным Слово Божие для широчайших масс Православной России. Во-вторых, долгая и сложная работа над переводом сама по себе, как уже было сказано, была весомым вкладом в толкование библейского текста. Наконец, в-третьих, неизбежные просчеты в переводе были и остаются теми стимулами, которые побуждают любящих Слово Божие к его дальнейшему изучению и освоению. Вклад СПбДА в переводческое дело был очень большим и является предметом особого исследования.

Что касается собственно библеистики, то 60-е годы минувшего столетия дают не так уж много самобытных трудов. Поток информации, доставляемой литературной критикой протестантского мира, буквально захлестнул наших исследователей. Освоить эту информацию, систематизировать ее просто не хватало сил. Первоочередной представлялась задача устранить так называемые «противоречия у евангелистов», привести евангельские повествования во внутреннее и внешнее гармоническое единство. Как известно из истории, эта задача не давала покоя многим исследователям Слова Божия на протяжении почти двух тысячелетий. В России одними из первых работ, преследующих цель «соглашения» евангелистов, были статьи священника А. Кудрявцева, гармонизирующие историю Страстей Господних и события Воскресения Христова. Нельзя сказать, что эти работы, публиковавшиеся в «Христианском чтении», отличались исследовательской оригинальностью. Автор в основном опирался на западные разработки той же самой темы. Значительно более ценным с научной точки зрения представляется появившийся в 1859 г. исагогический опыт М. А. Голубева «О Первом Послании св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова». Эта работа, очевидно, спровоцированная все той же западной критикой, явилась достойным свидетельством усвоения ее автором научной методологии в исследовании текста. Путем внешней и внутренней критики Первого Послания апостола Иоанна Богослова автор убедительно доказывает аутентичность и каноничность Послания. К сожалению, изданный М. Голубевым в 1867 г. опыт исагогического и экзегетического исследования книги пророка Аввакума обладал значительно меньшими достоинствами. В данной работе автор совсем не считался с научной критикой, а изъяснение текста почти полностью базировал только на толковании блаж. Иеронима.

В течение 70-х годов успехи представителей СПбДА на библеистическом поприще все еще невелики. Единственной работой, не утратившей научного значения до сего дня, можно назвать блестящий цикл статей⁹ проф. В. Г. Рождественского по истории Новозаветного канона, охватывающих исторический период от апостольских времен до окончательного канонического утверждения Новозаветных книг. В то же время появляются труды Д. А. Хвольсона¹⁰, в которых он пытался разрешить хронологиче-

скую задачу о времени последней пасхальной Вечери Господа и о дне Его распятия, задачу, над разрешением которой билось немало исследователей как до, так и после него. Помимо библейско-исторического интереса эта работа преследовала все ту же цель «гармонизации» евангельских повествований. Этой же цели был посвящен ряд статей¹¹ А. Лебедева. Направленные против Бауэра и новотюбингенской школы библейского богословия, статьи А. Лебедева ставили перед собой задачу примирения мнимых разногласий между учением Иисуса Христа и учением апостолов. Надо сказать, что, сама по себе мнимая, эта задача получила у автора несколько половинчатое разрешение: была признана некоторая формальная разница при совершенном существенном тождестве учений Христа и апостолов.

В 80-е годы СПбДА вступила с прекрасно подготовленными кадрами для подлинного научного изучения Священного Писания и смежных наук. Обстоятельства сложились таким образом, что наиболее замечательными работами, появившимися в эти годы из-под пера академических ученых, были труды по Ветхому Завету. Мы назовем здесь несколько особенно ценных из них. В 1882—1883 гг. М. Малицкий публикует шесть статей о собственных именах у древних евреев и об их религиозно-историческом значении. Этот большой филолого-эзегетический труд был результатом огромной работы, проделанной на основании достижений современной гебраистики в истории Палестины. Особенно интересны соображения автора относительно происхождения и смысла Священной Тетраграммы Имени Божия.

Библейской историей занимается в 80-е годы проф. А. П. Лопухин. Критически анализируя тексты Ветхого Завета, он дает широкую панораму социального устройства и жизни древнеизраильского общества. В частности, его интересуют институты брака, судопроизводства, землевладения и отношение государства и общества. В эти годы Библия все чаще привлекается в качестве ценнейшего документа для изучения истории Ближнего Востока. Этому процессу способствовали успехи в области археологии и палеолингвистики. Одним из интереснейших свидетельств нового движения в источниковедении стала работа И. С. Якимова «Опыты соглашения библейских свидетельств с показаниями памятников клинообразного письма»¹². Помню работ по библейской археологии, этому же автору принадлежит замечательный ряд исагогических исследований книги Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней, книг Премудрости Соломона и Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Кроме того, И. С. Якимов в 1883—1886 гг. издал толкования на книгу пророка Исании. Этой ветхозаветной книге в СПбДА особенно повезло, и здесь будет упомянуто еще несколько научных толкований на ее различные главы, толкований, сделанных талантливейшими эзегетами. И. С. Якимов истолковал 1—24 главы книги пророка Исании. Его труд продолжил проф. Ф. Г. Елеонский (Ис. гл. 24—37). Эта работа заслуженного ученого¹³ — образец блестящего, строго научного филологического и исторического комментария. Труды Ф. Г. Елеонского вообще отличались филигранной тщательностью и научной добросовестностью. Написанный им еще в 1871—1879 гг. цикл статей «Разбор мнений современной отрицательной критики о времени написания Пятикнижия» обнаружил очень высокую эрудицию ученого. Как это было свойственно многим авторам того времени, Ф. Г. Елеонский обоснованно указал на просчеты отрицательной критики, но от собственного окончательного суждения по обсуждаемому вопросу уклонился. В 1881 г. он публикует небольшую, но интересную статью по текстологии. Интерес к этой сфере библеистики возродился в связи с переводом Священного Писания и, естественно, прорник в читающую публику, которая, сравнивая славянский и русский тексты, обнаруживала иногда значительные и труднообъяснимые расхождения в содержании. Ф. Г. Елеонский разбирает одно из таких сложных мест (Быт. 46, 28). В целом следуя методу, предложенному в свое время митрополитом Филаретом, но, разумеется, во всеоружии новейших научных достижений, автор сравнивает текст 70-ти с масоретским текстом. Анализ приводит его к устранению смыслового противоречия; преимущество при этом утверждается за версией 70-ти. Это небольшое исследование может служить методологическим образцом для подобного рода изысканий.

Ветхий Завет находился в центре внимания большинства библеистов СПбДА и в 90-е годы. Оканчивается труд над комментарием книги пророка Исании. Завершение этой работы легло на плечи И. Г. Троицкого (Ис., гл. 37—66)¹⁴. В эти же годы читатели имеют возможность получить последние выпуски толкования свящ. Н. П. Вишнякова на Псалтирь. Над этим обстоятельнейшим исследованием он трудился 13 лет (1881—1894 гг.). Продолжаются работы по библейской археологии. В частности, множество статей по ассириологии, египтологии и их связи с изучением Священного Писания публикует Ф. Г. Елеонский. И. Г. Троицкий работает в области древнепалестинской палеографии. Проф. прот. А. П. Рождественский в 1898 г. открыл серию статей о книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Особый интерес к этой книге был вызван

находкой отрывков этой книги с еврейским текстом в одной из синагог Каира (1896). Вокруг этой находки разразился долго не смолкавший научный спор. А. П. Рождественский принял деятельное участие в этом споре, отстаивая мнение, что найденные тексты являются подтверждающими предание оригиналами. Впоследствии им публикуется большой ряд статей с толкованиями на эту книгу¹⁵.

Что касается исследований в области новозаветной экзегезы, то здесь мы не можем назвать внушительного числа ученых. Н. Н. Глубоковский, о котором речь пойдет ниже, являл собою фигуру, уравновешивавшую чашу весов. Однако все же следует указать на превосходную работу В. А. Воронцова, в нескольких статьях¹⁶ представившего подробнейшую экзегезу избранных стихов из Послания к Евреям.

По необходимости предельно кратко остановившись на деятельности достопамятной плеяды петербургских библистов, мы приблизились к тому замечательному явлению в истории отечественного богословия, к той личности, которая как бы аккумулировала в себе беспредельные возможности и силы православной науки. Речь идет о непревзойденном русском экзегете, заслуженном ординарном профессоре Николае Никаноровиче Глубоковском, который в возрасте 28 лет в 1891 году занял кафедру Священного Писания Нового Завета СПбДА и пребывал на ней около 25 лет. Прижизненная слава энциклопедически образованного богослова была велика: его чествовали, о нем много писали; за свою трудовую научную жизнь он написал и опубликовал несколько десятков крупных исследований и свыше ста научных статей в отечественной и зарубежной периодике. Нет никакой возможности в кратких заметках дать беглый обзор его трудов в области изучения Нового Завета, области, которой он посвятил зрелые годы своей деятельности. И возможность эта тем меньше, что Н. Н. Глубоковский — это не только наше славное прошлое, но еще более завещание на будущее, завещание, которое терпеливо ожидает своего вскрытия.

Основной труд Н. Н. Глубоковского — трехтомное исследование «Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу». Это исследование поражает своим объемом и научной эрудицией (около 2500 страниц, около 10 000 примечаний); кажется, мировая библистика не знает примеров подобной обстоятельности при столь уверенно ощущаемой незаблемости фундамента и непреклонной целеустремленности в изложении. Хотелось бы, пусть в немногих словах, уяснить цель и метод исследований Н. Н. Глубоковского, понять, так сказать, его экзегетический труд «по его происхождению и существу».

Что же послужило источником неиссякаемой творческой энергии Н. Н. Глубоковского? Прежде всего — горячая любовь к Слову Божию, к живительной и поэтому самодостовой сокровищнице знания спасающей воли Божией. Новый Завет для ученого был менее всего религиозно-историческим или литературным памятником давно ушедшей эпохи. Для него эта книга была книгой Вечного Благовестия, книгой жизни, по которой живешь, с которой не расстаешься, которую любишь, знаешь наизусть и не перестаешь изумляться радостным открытиям, какие она тебе приносит ежедневно. Когда читаешь труды Н. Н. Глубоковского, создается впечатление, что с авторами и персонажами Новозаветных книг у него сложились глубоко личные отношения, отношения любви. Особенно и прежде всего это относится к св. апостолу Павлу. Некогда апостолу языков, в частности, в его Посланиях к Галатам и 2-го к Коринфянам, пришлось отстаивать свое богооткровенное апостольство, а вместе с тем и свое человеческое достоинство. История повторилась в XIX в.: историческая гипертритика, фанатически увлеченная одноклассниками догматическими предубеждениями, по сути дела оскорбляла память апостола, того человека, с которым Н. Н. Глубоковский в первых строках своего крупнейшего сочинения писал: «Во всей истории мира едва ли возможно найти столь высокую личность по своему всеобъемлющему и непреходящему значению, как св. апостол Павел». Трехтомная «защитительная речь» Глубоковского явилась не только победоносной работой талантливейшего адвоката, но и даром признательной любви благовестнику, благодаря боговдохновенной деятельности которого мы, христиане, есмь то, что есмь.

Любовь к Священному Писанию в практически-научной деятельности Н. Н. Глубоковского отразилась многообразно. Здесь и тонкие текстологические изыскания, и занятия библейской историей, и филологическая экзегеза, и исагогика. Но, пожалуй, основной целью научных трудов и преподавательской деятельности ученого было создание систематического библейского богословия. Им руководило стремление сделать так, чтобы «Писание было и производящим источником и объединяющим центром для всех богословских наук»¹⁷.

Если в нескольких словах характеризовать метод Н. Н. Глубоковского, то можно указать на два основных руководящих начала в его творчестве. Прежде всего, это верность Преданию Церкви. Для православного верующего человека, воспитанного к

тому же в духовной среде, эта верность Преданию могла быть просто родной привычкой, не подвластной никакой научной рефлексии. Не так обстояло дело с Н. Н. Глубоковским. Его внутреннее убеждение, почерпнутое в живой связи с Телом Христовым, постоянно ищет и находит свое обоснование в интуиции и работе учено-историка. Разумеется, его нельзя назвать абсолютно беспристрастным ученым. Он — апологет Писания и Предания. Провидению было угодно, чтобы он нес свое церковное послушание в эпоху, когда на повестке дня, прежде всего, стояла критика критики, отрицающей богооткровенный характер как Писания, так и Предания. Таким образом, на долю Н. Н. Глубоковского выпал огромный объем черновой работы по расчистке поля деятельности для положительной научной библеистики. И вот с этой задачей библейской апологетики он справлялся не только как лицо глубоко заинтересованное, но и как исследователь, ни в чем не погрешающий против своей научной совести. Сочетание редкое и образцовое.

Вторым руководящим принципом научного метода Н. Н. Глубоковского была классическая логика, та завещанная ему прошлым веком математически строгая логика, которая считалась единственным методом разработок, претендующих называться наукой. Именно поверхностное использование формальной логики породило в XIX в. разрушительный смерч отрицательной критики в библеистике. И именно логике предстояло теперь восстановиться в своем достоинстве разрушенным библеистическим ценностям. Глубоковский обнаружил строгий систематическо-логический подход не только в исагогике; доказательство логической непротиворечивости библейского текста было для него заветной целью и в экзегетике. Непомерная трудность этой задачи, усугубленная тем, что непротиворечивое единство должно было объединить в себе Писание с Преданием, не смущала и не останавливала экзегета. В исполнении этой задачи он был верным учеником и наследником предшествовавшего поколения библеистов, положивших свои силы на устранение так называемых противоречий в Священном Писании. Для наглядного сопоставления с логической убежденностью Н. Н. Глубоковского приведем некоторые высказывания ученого следующего за ним поколения, свящ. П. А. Флоренского: «Каким холодным и далеким, каким безбожным и чертовым кажется мне то время моей жизни, когда я считал антиномии религии разрешимыми, но еще не разрешенными, когда я в своем гордом безумии утверждал логический монизм религии». Или: «Истина есть антиномия, и не может не быть таковою». Или: «Возьми апостола Павла. Его блестящая религиозная диалектика состоит из ряда изломов. — С утверждения — на другое, ему антиномичное... Рассудочно противоречивые и взаимоисключающие суждения острыми направлены друг против друга. Но для непосредственного восприятия в этих ... «да» и «нет» открывается высшее религиозное единство, могущее получить свое завершение в Духе Святом»¹⁸. До какой степени чуждыми могли казаться Н. Н. Глубоковскому такие утверждения, обнаруживает любой из его экзегетических опытов. Однако у каждого поколения ученых есть своя точка зрения на метод исследования. Внешне они могут противостоять друг другу. Главное, чтобы они были едины в своем стремлении к истинному знанию. Но именно в этом были едины люди старшего и младшего поколений тех лет. Свящ. П. А. Флоренский предпосылает своему основному труду эпиграф — слова св. Григория Нисского: «Знание порождается любовью». Девизом Н. Н. Глубоковского были слова: «В богословии мы понимаем верою (Евр. 11. 3)»¹⁹. В заметке к 100-летию юбилею СПбДА, заметке, исполненной некоторой осенней грусти и отнюдь не оптимистических ожиданий, Н. Н. Глубоковский весьма критически оценивал путь, пройденный русской богословской наукой. «Нет у нас в богословии, — писал он, — ни нарастающих научных традиций, ни выработанных методов, ни школьных направлений. Ввиду сего трудно говорить о постепенном развитии там, где часто происходили замирания, и еще опаснее заикаться о прогрессе, если нередко приходилось все начинать вновь и культивировать запустевшую почву... При таких нерадостных условиях наше богословие для своего самосохранения должно искать внутренних устоев, независимых и от расположения людей и от исторических неожиданностей... Эти спасительные основы почерпаются в органическом общении богословия с верою христианской, которую оно лишь раскрывает и освещает, комментирует и осмысляет, как несомненный реальный объект»²⁰. Итак, по своему происхождению и существу многогранный труд крупнейшего русского библеиста — христианская вера.

Что касается плодов этого замечательного труда, то обзор их не представляется здесь возможным из-за их обилия и многогранного охвата самого различного материала. Библиография трудов Н. Н. Глубоковского напечатана в приложении к статье А. Игнатъева, посвященной памяти ученого и помещенной в «Журнале Московской Патриархии»²¹. Исагогическому и экзегетическому анализу Н. Н. Глубоковского были подвергнуты все книги Нового Завета, за исключением, быть может, Соборных Посла-

ний. Почти все его литературное наследие сохранилось до наших дней. В огне войны в Софии погибли лишь последние рукописи (возможно, исследования Апокалипсиса). Сам Н. Н. Глубоковский, будучи корифеем библеистики, был весьма сдержан в оценке своих собственных трудов, да и в оценке отечественной библейской науки в целом. «Мы никак не можем похвалиться, — писал он, — приобретениями русской экзегетики... Достаточно констатировать, что мы доселе не имеем систематических опытов научного комментария на всю Библию и, по-видимому, не замечаем этого страшного пробела»²². Все свои силы православного ученого Н. Н. Глубоковский приложил к тому, чтобы если не заполнить этот «страшный пробел», то облегчить работу будущим поколениям исследователей. Несмотря на пессимистическую оценку, данную профессором пройденному русской библеистикой пути, сейчас мы видим, что вклад отечественных, и не в последнюю очередь петербургских, ученых в науку о Священном Писании был поистине шедрым. Этот вклад до сих пор должным образом не востребован. Достанется ли завешанное наследство нам или будущим поколениям — покажет время. Времена же и сроки, как известно, находятся во власти Отца Небесного. От нас же требуется возрастание до совершеннолетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Христианское чтение (далее — ХЧ), 1881, II, с. 765—767.

² ХЧ, 1901, I, с. 9.

³ Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения по случаю празднования столетнего юбилея со дня рождения Филарета, митрополита Московского, т. 2, с. 198.

⁴ Церковный вестник (далее — ЦВ), 1909, № 50—51, с. 1576.

⁵ ХЧ, 1901, I, с. 22—27.

⁶ Архимандрит *Михаил*. Годичный акт в Московской Духовной Академии 1 октября 1877 года, с. 32.

⁷ ХЧ, 1901, I, с. 27.

⁸ ХЧ, 1901, вып. 5, с. 638.

⁹ ХЧ, 1872—1874.

¹⁰ ХЧ, 1875—1878.

¹¹ ХЧ, 1875.

¹² ХЧ, 1884, II, с. 21.

¹³ ХЧ, 1887—1889.

¹⁴ ХЧ, 1891—1895.

¹⁵ ХЧ, 1907—1911.

¹⁶ ХЧ, 1906—1909.

¹⁷ ЦВ, 1909, № 50—51, с. 1583.

¹⁸ Свящ. *Павел Флоренский*. Столп и утверждение истины. М., 1914, с. 147, 162, 163.

¹⁹ ЦВ, 1909, с. 1576.

²⁰ ЦВ, 1909, с. 1575, 1576.

²¹ ЖМП, 1963, № 8, с. 73—77.

²² ЦВ, 1909, с. 1582. Издававшаяся в то время «Толковая Библия», под ред. проф. А. П. Лопухина (в 12-ти томах. СПб., 1904—1913) была популярным пособием и, с точки зрения Глубоковского, не претендовала именоваться «научным комментарием».